

Неизвестно какой месяц, Северное море, Азкабан.

Чертовски холодно. Проклятые дементоры. Худая тень — призрачный отголосок бывшего человека — сидела, сгорбившись на старом, облезлом матрасе. Тусклый свет проникал сквозь решётчатое окошко мощной, обитой железом двери, озаряя каменные стены крохотный камеры.

Холод и дементоры. Проклятые друзья, неразлучные спутники. Им наплевать, что он не виновен.

Он был не единственным магом в чудовищной тюрьме среди чудовищ. Здесь содержались десятки волшебников, но на их этаж помещали только самых опасных. Тех, кого не планировали больше выпускать. Беллатриса Лестрейндж. Её муж Родольфус с братом Рабастаном. Барти Крауч-младший. Их доставили сюда почти одновременно вместе с ним, только чуть позже. Он видел, как дементоры вели их по коридору. Стоял у двери. Мальчишке Краучу и двадцати тогда не было. Лестрейнджи его не особо интересовали, а вот двоюродная сестричка... Безумная тварь. Она никогда не прятала лицо во время рейдов, и вышагивала, гордо выпятив подбородок, лениво полуприкрыв тяжёлые веки, словно не было ни тюрьмы, ни монстров за спиной. Чокнутая... Она бросила на него презрительный взгляд и, скорчив отвратительную рожу, сразу же отвернулась.

Их камеры были в том же коридоре. Крауч так вообще рядом сидел, за стенкой. Уже к вечеру вопил, как резаный, и звал свою мать. Слабак. Потом успокоился. Через несколько дней все успокаиваются... Во сне только кричат.

Обычно здесь нет разговоров. Нет звуков. Дементоры не любят звуки. Только мёртвая тишина, словно камеры населяют одни трупы. Она давит со всех сторон, давит так сильно, что закладывает уши, что начинают вращаться стены и не ясно, где верх, а где право. Сначала медленно, потом быстрее, быстрее, БЫСТРЕЕ... До тех пор, пока ярость не смешается с отчаянием, не выплеснется наружу с дикими воплями, пока ногти в кровь не содраны и лицо не исполосовано. Пока дементор не подберётся ближе, ещё ближе... Так близко, что кошмары захлестнут с головой, становясь последней отдушиной. Пока глаза не закроются. И мир не погаснет... Хотя на мгновение.

А времени тоже нет. Не понять ни кто ты, ни где ты. Сколько прошло минут? Сколько лет? Не сосчитать. Слишком много. Единственная мерка — удары сердца. Один, два, три... Бесконечность. За что?

Но ничем не лучше, когда и тишины — нет. Когда по коридору разносятся крики и стоны заключенных, которых мучает, медленно убивая, очередной кошмар. Иногда чей-то безумный шепот... Череду бессвязных слов. Бормотание. Казалось, что заключённые кричат, лишь бы показать миру и самим себе, что они ещё живы. Живы... Что они не сдались. Но стоит этим тварям скользнуть ближе к камере, гаснет даже слабое сияние бледных кристаллов, закреплённых на потолке в коридоре. Всё и вся замолкает, и пространство заполняется невыносимыми звуками их хриплого, kloчущего дыхания. Замораживая душу, буквально впиваясь в сердце ледяными иглами. Оно бьётся еле-еле в неестественном холоде. Или стучит

как ошалелое, будто срок уже пришёл. Словно пойманная птица в лапах зверя. Пульс угасает, торопясь отбить как можно больше ударов, прежде чем прозвучит последний.

Многие умирают от тоски и ужаса, который преследует их ежедневно, ежечасно, сжигает изнутри. Они сходят с ума и перестают есть. Просто не хотят больше жить. Иногда даже можно предсказать, когда очередной заключённый умрёт. Дементоры чувствуют смерть и собираются у камеры несчастного, словно стервятники. Провожают в последний путь всхлипами, к которым никогда не привыкнуть.

Крауч сдох довольно быстро. Так и надо этому ублюдку. За Алису и Фрэнка. Они теперь такие же мертвецы, как и он. Жаль, что Лестрейнджи ещё живы. Худшие всегда выживают, как тараканы. Худшие и он. Сколько лет с того времени прошло? Не сосчитать. Слишком много. Они часто говорят во сне... Лестрейнджи. Говорят о той лживой крысе, об этом предателе. О Хвосте. Подонок.

Сил нет... И голодный, как собака. Еда отвратительная, определено уступает по своей мерзости лишь... Он забыл чему... Еда... Они сами как еда... для дементоров. Эти твари питаются человеческими эмоциями. Иссушают. Высасывают всё самое доброе и светлое. Стоит заключенному вспомнить что-то хорошее: улыбку матери, светлый школьный денёк, смех, вкус шоколада — хоть что-то, как этот монстр тут же замирает рядом с его дверью. Несмелая улыбка тут же исчезает. Заключённый отшатывается, стараясь забиться как можно дальше в глубь темницы, вжаться в стену. Оказаться хоть чуть-чуть ещё подальше от чудовища в плаще. От бесконечного кошмара.

И лишь раз в неделю дементоры ненадолго оставляют своих жертв в покое, когда прибывают маги-смотрители. Проверяют, все ли заключённые живы, доставляют запас еды на неделю и уходят, оставляя ежедневный утомительный разнос этой бурды по камерам дементорам. А уж эти твари не забывают давать им жрать, не хотят, чтобы их пища сдохла так, с голоду. Какая ирония.

Нет ничего. Лишь камера и маленький квадрат коридора за решёткой в двери. А за ними — пустота. Мир серый. Одно уныние. Нет, не одно. Отчаяние. Какой смысл жить? Всё зря... Не будь силы, что горела внутри Узника, и анимагии, то он давно бы уже потерял рассудок.

Я не виновен.

Только это и помогало ему держаться. Выживать. Эта мысль не была счастливой, скорее отдавала горечью утраты, так что дементоры не могли её отобрать. Её и окклюменцию. Магия поддерживала тело Узника, не давала ему сдаться. Но он этого не ощущал. Сама тюрьма высасывала волшебство и мысль о нём была невыносимой.

Когда становилось совсем тяжело, Узник превращался в камере. Становился собакой. Толстая шкура защищала от холода. И от дементоров. Они ничего не видят, воспринимают людей

только через их эмоции. И они ощущали как его чувства в эти часы делались менее человеческими. Менее сложными. И не задерживались у камеры надолго. Иногда Узник думал, что этим помогает держаться своим соседям, проклятым Лестрейнджам, потому что дементоры быстрее проходили их участок коридора. А иногда — что их, наоборот, «едят» ещё больше, так как с него взять много не смогли.

Спать лучше в теле собаки. Удобнее на матрасе. Не так холодно. Кошмаров почти нет. Только иногда... Совсем редко. Дементоры ничего не видят, воспринимают людей через их эмоции... а у собак нет эмоций. И снов нет. Только иногда. В первые месяцы видел дом Поттеров. В тот самый день. Джеймс и Лили. Тряс их тела, умоляя очнуться. В ушах звенело, руки по локоть в крови. Бегал по знакомым комнатам и слушал, как они кричат от ужаса, стонут. День за днём в кошмарах возвращался в их мёртвый дом. словно бесконечный кровавый калейдоскоп. Мутная пелена и подступающее безумие туманили сознание. Сны... Может, он ошибается? Может, кошмары приходят куда чаще? Сколько прошло времени? Месяц? Несколько лет? Не сосчитать... Слишком много. А вокруг только серость, холод, их дыхание, и сердце всё бьётся. Предатель. Но если явь чудовищна и полна отчаяния, то сновидения куда хуже. Стоит закрыть глаза, как погружаешься в страну кошмаров, порождённых тварями колдовской тюрьмы.

Только ведь он не виновен.

Раз в год в тюрьму с инспекцией приезжал министр магии. Должен приезжать. Но старуха Багнолд не заглядывала вот уже несколько лет. Кому нужны те, о которых давно забыли, кого побоялись убить?

Опять слышались завывания и стало намного холоднее: дементоры. Заключённые — и те, кто сошёл с ума, и те ещё, кто держался — ноя и стена от ужаса, задёргались и забились в камерах, чувствуя приближающихся чудовищ. Но те, проплыв по коридору, покинули этот этаж, и затем слышались голоса и человеческие шаги.

— Здесь Джагсон. А далее сидят Лестрейнджи. Сразу в трёх подряд. А здесь Блэк...

Бледный коротышка бегло бросал взгляды сквозь решётки камер и быстро проходил мимо. Заключённые, пока дементоры ушли, давали им недолгий перерыв от бесконечной пытки, потихоньку приходили в себя, вяло копошась на полу без сил или впадая в апатию. Коротышка резко остановился, наткнувшись на сосредоточенный взгляд Узника. Низкорослому чиновнику было над чем задуматься: по сравнению с другими заключёнными, Узник выглядел весьма бодро. И это его пугало. Похоже, что на этого человека дементоры воздействовали куда слабее, чем на других, сидящих в этой тюрьме. Хотя слабые и не выживали здесь долго. Этот заключённый уверенно стоял на ногах, рассматривая своих визитёров и выглядел так, словно и не чувствовал воздействия демонов. Его пальцы крепко держались за прутья решетки, на губах играла кривая улыбка, а взгляд был прикован к предмету в руках коротышки.

Чистая газета, словно из другого мира. Ей явно было не место тут, она смотрелась чужеродно.

Зачем она здесь? Коротышка хотел ею отгородиться от тюрьмы? Или держа в руках что-то материальное, ему было проще сохранять здесь рассудок? Может, он отгонял ею запах?

— Блэк!.. — отшатнулся коротышка, а потом ещё отступил на шаг, чуть не запутавшись в своей мантии. Из-за решётки его сверлил жестокий взгляд убийцы, которому всё равно скольких убивать и как. Скучающее выражение лица заключённого, словно ему тут всё надоело, проглядывало сквозь спутанные длинные волосы и нечёсаную страшную бороду и пугало ещё больше. Немного сутулая, застывшая поза, будто убийце вечно холодно, довершала картину. Сопровождающие испуганно потянулись за палочками.

— О, новых хозяин проклятого Министерства. Вспомнил сюда дорогу? Привествую-привествую вас всех в нашей скромной обители, — раздался каркающий голос, словно Узник забыл как говорить. Облако пара вырывалось у него изо рта. — Ты же Фадж, да? Я у тебя газетку вижу. Прочитал уже? Может, дашь её мне, а то я соскучился по кроссвордам.

Процессия двинулась дальше под звуки торопливых шагов в коридоре и бесконечные имена у бесконечных камер. Долохов, Руквуд, Трэверс...

Узник ласково провёл по газете, наслаждаясь ощущением бумаги под пальцами. На первой странице фотография семьи рыжеволосых волшебников. Узли. Он провёл шершавым пальцем по каждому из их. Возмущение живых фотографий вызвало у него улыбку. Пирамида. Египет? Он бы туда съездил, если бы не война. Сразу всплыло в памяти, как они об этом мечтали. Вместе с Джеймсом, Римусом, Лили и... Палец оставился на плече одного из мальчиков. Не может быть... Это он?

Руки Узника, державшие газету, дрогнули.

— Он в Хогвартсе! Он в Хогвартсе! Он...

Он жив. Он рядом с Гарри. Он в Хогвартсе. В Хогвартсе. Сбежать. Найти и убить! Он в Хогвартсе. Хвост убьёт последнего Поттера. Лестрейнджи зовут своего господина во снах, молят спасти их. Он жив. Жив... Хвост убьёт. Ударит в спину опять, как только Волан-де-Морт зашевелится. Убить. Дементоры не помеха

Утром чудовище открыло дверцу камеры. Оно несло миску с едой в своих покрытых струпьями то ли руках, то ли лапах, погрузив длинные костлявые пальцы в неаппетитное варево. Проскочив, в виде собаки, в образовавшийся проём, Узник бросился по коридору, не разбирая дороги. Его вели инстинкт выживания и страх быть пойманным. Скрежет собачьих когтей эхом

раздавался по каменному коридору, привлекая стражей.

Влево, ещё раз влево. Пёс повернул за угол и замер. Чёрный высокий силуэт. Дементор. Назад, назад. Здесь направо. Злобная тварь бесновалась, Узник чувствовал, что его время истекало, уже почти истекло. Несмотря на то, что дементоры слепы, в глупости их не обвинить. Они понимали, что происходит что-то не то, тюрьма оживала, наполняясь криками заключённых и хриплым дыханием чудищ. Дементоры вышли на охоту. Они чуяли его. У Узника на загривке шерсть встала дыбом, он метался по коридорам. Куда бежать? Тупик, назад! Тяжёлое дыхание вырывалось из пасти. Нельзя попасться. Он в Хогвартсе. Налево. Ещё дементор. Быстрее, быстрее! В Хогвартс... Там лестница! Направо, вниз, быстрее!

Торопливые лапы перескакивали через измученные временем каменные ступени. Узник спускался чуть ли не кубарем, надежда билась в его сердце. Он нашёл путь.

Вниз, вниз! Конец лестницы, вперед по коридору, налево!

Стоп!

Есть!

Короткий торжествующий лай.

Вот он, выход!

Пёс рванул туда, откуда заманчиво тянуло солёным морским ветром, протискиваясь через прутья решётки в двери.

Бушующее море, которое омывало остров, сейчас выглядело обманчиво спокойным. Оно давало надежду, от него теперь веяло не холодом, а запахом свободы. Ударам волн о скалистый берег вторил радостный, сумасшедший лай.

Собака обернулась назад, повернув морду к колдовской тюрьме. Возносящаяся ввысь монументальная угольно-чёрная башня, в которой он провёл более одиннадцать лет вызывала дрожь и слабость в лапах. Но он без сомнения бросился вперёд.

Холодные объятия океана. Плыть. Плыть. Очень быстрые течения, огромные волны, шквальные ветры и частые туманы — всё это могло ждать глупца, который собрался бы пересечь Северное море. Но Узнику повезло: сейчас водная гладь была относительно спокойна. Вдох, выдох. Набегающие волны окатывали с головой совершенно мокрого пса, но тот словно не замечал этого и плыл дальше, к одному ему известной цели. Узник устал, потерял чувство времени, но что-то внутри указывало ему, куда плыть, где находится берег. Мощные лапы неумолимо загребали воду, спину ломило и собачьи лёгкие горели огнём.

Земля. Твёрдая поверхность. Пёс фыркал, встряхиваясь всем телом, разбрызгивая вокруг воду, а потом рухнул на землю без сил.

Хогвартс. Он в Хогвартсе. Мне надо туда. Только взглянуть бы на Гарри. Какой он? Вылитый Джеймс? Где же он? Наверняка у Петунии. Лили... Она всё мечтала, что когда закончится война, выберется из дома и помирится с сестрой. Сына показать. Открытки и письма. Отправляла. Лили... Джеймс...

Гарри... Он там, у неё... Литтл Уингинг...

Огромный чёрный тощий, как скелет, пёс со стоном поднялся на лапы, замер на несколько мгновений, прислушиваясь к тихому шелесту волн за спиной и собирая последние остатки сил, а потом бросился к цели, исчезая в густом тумане раннего утра.

<http://tl.rulate.ru/book/52529/1327127>